

An impressionistic painting with a warm, golden-yellow and reddish-brown color palette. In the center, a woman with long reddish hair, wearing a flowing dress, holds a sword aloft in her right hand. Her mouth is open as if shouting or singing. The background is a textured, hazy wash of colors. In the lower left, a dark, skeletal figure is visible, and in the lower right, another figure is partially seen. The overall style is expressive and emotional.

Е.Г. Степанян

Лондон–Париж

Е. Г. Степанян

Лондон — Париж

Сценарий по мотивам романа Чарльза
Диккенса «Повесть о двух городах»

3-е издание (электронное)

Москва
• Теревинф •
2018

УДК 821.161.1-2 Степанян Е.
ББК 84(2Рос=Рус)6-6
С79

Степанян, Е. Г.

С79 Лондон – Париж : сценарий по мотивам романа Чарльза Диккенса «Повесть о двух городах» [Электронный ресурс] / Е. Г. Степанян. – 3-е изд. (эл.). — Электрон. текстовые дан. (1 файл epub). — М. : Теревинф, 2018. — Систем. требования: Adobe Digital Editions 4.5 (Windows, Android, macOS) или iBooks (4.3 для iOS либо 1.7 для macOS).

ISBN 978-5-4212-0404-6

Захватывающее драматическое авторское прочтение романа Чарльза Диккенса «Повесть о двух городах».

УДК 821.161.1-2 Степанян Е.
ББК 84(2Рос=Рус)6-6

Деривативное электронное издание на основе печатного издания: Лондон – Париж : сценарий по мотивам романа Чарльза Диккенса «Повесть о двух городах»/ Е. Г. Степанян. – 2-е изд. – М. : Теревинф, 2014. – 192 с. – ISBN 978-5-4212-0166-3.

В оформлении обложки использована картина Уильяма Тернера «Ангел, стоящий в солнечном свете».

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

978-5-4212-0404-6

© Е. Г. Степанян, 2012
© Оформление,
«Теревинф», 2015

Пролог

(Франция, 1765 год)

По дороге, обсаженной вязами, мчится карета с зашторенными окнами.

В карете, освещенной тусклым фонарем, четверо: двое в надвинутых треуголках, закутанные в плащи, напротив них — человек лет тридцати с красивым открытым лицом (доктор Манэ) и телохранитель с отсутствующей физиономией. Доктор Манэ пытается приподнять шторку на окне и выглянуть наружу. Один из закутанных властным жестом опускает штору.

Манэ. Господа, вы меня похищаете?

Первый. Мы почти доехали, доктор.

Манэ. Неизвестно куда. И неизвестно, к кому. Ведь вы до сих пор не пожелали назваться.

Второй *(насмешливо)*. Но ведь долг врача — оказывать помощь при любых обстоятельствах?

Манэ молчит, сохраняя невозмутимое выражение.

Карета въезжает в плохо освещенный парк и останавливается перед двухэтажным флигелем.

Прибывшие поднимаются по лестнице, входят в роскошно убранную спальню.

На кровати мечется молодая женщина, ее руки привязаны к телу какими-то шарфами, обрывками простыней. Время от времени женщина стонет и бормочет что-то нечленораздельное. Караулившая ее служанка в чепце и переднике при появлении вновь прибывших выскальзывает за дверь. Доктор наклоняется к женщине, пытается приподнять ей веки. Она кусает его за запястье.

Манэ (*обращаясь к Первому*). Это ваша жена?

Первый (*брезгливо*). Нет.

Манэ. Я не думал, что случай настолько серьезный, господа.

У меня нет с собой того, что нужно, а если послать ко мне...

Первый (*перебивая*). Здесь есть аптечка.

Второй протягивает доктору аптечку. Манэ открывает пузырьки, нюхает содержимое, пробует на язык.

Манэ. Она давно в таком состоянии?

Первый. Второй... нет, третий день.

Манэ (*покачивая головой*). Вам известно, чем оно вызвано?

Первый. Простите?..

Манэ. Что с ней перед этим произошло?

Второй (*с холодной наглостью*). С ней грубо обошлись.

Манэ пытается влить женщине в рот лекарство. Она сопротивляется. Наконец, ему удается это сделать.

Женщина кричит: «Этьен! Андрэ!» Лекарство выливается у нее изо рта.

Манэ (*снова наливая в рюмку лекарство*). Кого она зовет?

Первый (*сквозь зубы*). Своего мужа. И брата.

Манэ. А где ее муж?

Первый злобно смотрит на Второго.

Второй (*прежним тоном*). Он умер. Его избили и он умер.

Доктор силой вливает больной лекарство и зажимает ей рот, заставляя проглотить. Больная постепенно затихает. Доктор высвобождает ее руку и считает пульс.

Манэ. Снотворное действует. Но шансов почти никаких, имейте в виду.

Первый (*надменно, но с некоторой неловкостью*). Здесь есть еще один больной. Посмотрите его тоже.

Все направляются к выходу. Сиделка проскальзывает обратно в комнату.

Манэ и хозяйка идут темным коридором, поднимаются по узкой лестнице и оказываются на каком-то чердаке.

На полу на соломе лежит юноша лет восемнадцати в разорванной одежде. Манэ наклоняется к нему и видит, что вся солома под ним намочена кровью.

Юноша с трудом открывает глаза и видит Манэ.

Манэ. Друг мой, я доктор.

Юноша (*глухо*). Мне не нужен доктор.

Манэ. Я все же хочу осмотреть вашу рану.

Юноша. Не надо. Все равно помру. — А она? Вы ее видели, доктор? (*Манэ утвердительно кивает.*) Она жива?

Манэ. Да.

Юноша (*с горечью*). Еще жива! (*Он начинает задыхаться, но говорит громче*) Всю семью извели, доктор, всю семью! Отец, как узнал, что это случилось, так сразу и умер. А я

тогда не выдержал, побежал сюда. (*Пытается приподняться.*) Да как же можно это терпеть? Мужа до смерти забили... ни за что... напраслину на него возвели... А ее силой сюда притащили.

Манэ. Это ваша сестра?

Юноша отвечает кивком и опять опускается на солому.

Юноша. Они думают, что мы не люди! Да разве такое можно выносить! (*Задыхается.*) Ну вот! А теперь всё! Теперь мне тоже конец.

Первый (*не выдержав*). А чем ты думал, болван, когда лез с топором на своего сеньора? (*К доктору*) Он бросился на моего брата с топором!

Юноша (*приподнимаясь*). А вы, маркиз д'Эвремóнд, вы о чем думаете? Вы что, вечно собираетесь пить нашу кровь? — У людей ведь ничего уже не осталось! Траву едят! Ничего не осталось! Только ненависть к вам осталась! Подождите, скоро все придут сюда с топорами. Не я один. А мне такая жизнь все равно не нужна. Ничего. Я и мертвый к вам приду, подождите! (*Теряет сознание.*)

Доктор Манэ и сиделка у постели больной.

Манэ. Ну, вот и все.

Сиделка (*мрачно*). Очень уж гордая была.

Манэ и маркиз д'Эвремонд.

Маркиз. Доктор, я крайне сожалею обо всем, что здесь произошло. Мой брат еще очень молод, он очень

невоздержан. Но я надеюсь, что подобное не повторится.
(Поигрывает пальцами по столу.) Вам стало известно наше имя. Я могу положиться на вашу скромность?

Манэ. Существует понятие врачебной тайны, господин маркиз.

Маркиз (кивает и протягивает Манэ кошелек). Это ваш гонорар.

Манэ. К сожалению, я никому не оказал реальной помощи, и поэтому не считаю возможным принять деньги.

Маркиз. Вы отказываетесь от платы? Значит, вы что-то задумали.

Манэ. Я уже сказал вам.

Маркиз. Доктор, вы знаете, кто я. И вы, я надеюсь, понимаете, что для меня что вы, что эти люди! (Делает пренебрежительный жест.) Я никого не боюсь. Но я не хочу огласки. У меня на это свои причины! У меня есть жена. Она сложный человек, но она моя жена. И она имеет влияние на моего сына. (Подталкивает ему кошелек.) Возьмите деньги.

Манэ. Благодарю вас, но я не считаю возможным их принять.

Маркиз. Прежде чем что-то затевать, доктор, хорошенько подумайте! Подумайте о своей семье! Ваша жена англичанка?

Манэ (удивленно). Да.

Маркиз. Моя жена считает, что все англичане с утра до вечера читают Библию. Ваша жена тоже читает Библию?

Манэ. Нет.

Маркиз. Хорошо. Так вы возьмете деньги?

Манэ. Нет. И поскольку я здесь уже никому не нужен, ваше сиятельство, я хотел бы откланяться.

Манэ в карете один.

Манэ (*кутаясь в плащ*). Почему так холодно?

Манэ открывает дверь своего дома.

Его слуга, мальчик лет семнадцати, спит, сидя на нижней ступеньке лестницы.

От звука открываемой двери он просыпается.

Манэ. Что ты тут делаешь, Эрнест?

Дефарж. Ох, хозяин, наконец вы вернулись! (*Вскакивает.*)

Мадам велела, чтоб я ее сразу разбудил, как вы вернетесь.

Манэ. Не надо. Но почему вы так рано улеглись?

Дефарж. Мы две ночи не спали, хозяин. Маленькая Люси, как вы уехали, ни на минуту не переставала плакать. Вот только час, как успокоилась.

Манэ. Согрей мне ужин и отправляйся спать.

Ночь. Доктор Манэ за письменным столом. Он кладет перо, перечитывает то, что написал, складывает лист и рвет на множество частей.

День. Доктор Манэ прогуливается по набережной Сены. Он смотрит на воду. По воде плывут желтые и темно-красные листья.

Ночь. Доктор Манэ снова что-то пишет за письменным столом. Снова рвет написанное.

Доктор Манэ сидит, обхватив голову руками.

Вечер. Доктор Манэ в своем кабинете. В дверь заглядывает Дефарж.

Дефарж (*нерешительно*). Хозяин! Там пришли какие-то...

Говорят, тяжелые роды на улице Сент-Оноре.

Манэ встает и начинает одеваться.

Манэ. Собери мне сумку. А я потом проверю, запомнил ли ты, что нужно при тяжелых родах.

Дефарж. Хозяин, мне эти люди не нравятся. Ужасно не нравятся. Может, я скажу, что вас нет? Нет — и всё!

Манэ. Ты что, малыш! Если я стану лечить только тех, кто тебе нравится!..

Дефарж. Хозяин, давайте я с вами поеду! Возьмите меня!

Манэ (*проводя рукой по его голове*). Да чего ты так испугался?

А кто же будет охранять мадам и маленькую Люси?

Доктор выходит в соседнюю комнату. Ему навстречу — человек с умоляющим выражением лица, у дверей второй, точно такой же.

Первый (*скорбным тоном*). Доктор, ради всего святого!

Очень тяжелые роды!

Доктора усаживают в карету. Первый садится с ним, второй вскакивает на козлы. Карета проезжает несколько кварталов, останавливается. Дверцы распахиваются. Двое неизвестных бросаются к Манэ и надевают на него наручники. После этого в карету неспеша садится маркиз д'Эвремонт.

Маркиз. Я же предупреждал вас, доктор, — не вздумайте нарушать покой моей семьи.

Вот ваше письмо прокурору Парижа. Оно очень убедительно написано, но, к сожалению, мне придется его сжечь. *(Выглядывая в окно кареты)* В Бастилию!

Часть первая

(Восемнадцать лет спустя)

Глава первая

1. Лондон. Адвокатская контора «Кáртон и Стрáйвер». Двое молодых людей (Картон и Страйвер), стоя, почтительно внимают старому джентльмену, мистеру Лóрри.

Лорри. Вот так он и провел в Бастилии восемнадцать лет.

Страйвер. Ужасно! Без предъявления обвинения, без суда и приговора!

Картон. Восемнадцать лет — это же целая жизнь!

Лорри. Да, для вас это целая жизнь. Ведь вам, Сидней, еще двадцати четырех не исполнилось?

Картон. Через две недели, сэр!

Лорри. А мистеру Страйверу? **Страйвер.** Мне уже двадцать пять, сэр. **Картон.** Дьяволы! Уж лучше бы убили!

Страйвер. Что ты такое говоришь, Сидней!

Картон. То и говорю. По-моему, милосерднее убить, чем вот так годами растаптывать человеческую жизнь! — А его несчастная жена! Она ведь даже при желании не смогла бы еще раз выйти замуж! Она же не знала, вдова она или нет.

Лорри. Да, вы в чем-то правы, Картон. Моя кузина, конечно, не помышляла о новом замужестве. Но вся эта история стала причиной ее ранней смерти.

Страйвер. А как вы, сэр, узнали о его освобождении?

Лорри. Я получил через Теллсон-банк письмо от человека, назвавшегося душеприказчиком некоей маркизы д'Эвремонд.

Картон. Почему «назвавшегося», сэр?

Лорри. Тон письма несколько сбивчивый, и тот, кто его писал, и сам не юрист, и, конечно, ни к каким юристам не обращался.

Молодые люди с улыбкой переглядываются.

Страйвер (*с легким поклоном*). Да, нам до вас далеко, сэр!

Картон. А кто такая маркиза д'Эвремонд?

Лорри. Мне о ней ничего не известно. Никаких дел с нашим банком она не вела.

Страйвер. Удивительное дело! Я столько раз слышал о людях, заключенных в Бастилию пожизненно, а по моим воспоминаниям она не так уж велика. Сколько же в ней помещений? Как они там все умещаются?

Картон. Неужели ты думаешь, Дик, что с пожизненным сроком в одиночной камере можно долго прожить? Они очень быстро умирают, а еще быстрее сходят с ума. (*К Лорри*) А этот джентльмен, сэр, ваш... э-э... дальний родственник, он в полном порядке?

Лорри. Нет. Насколько я понял из письма, он в очень плачевном состоянии. (*Помолчав*) Он совершенно ничего не помнит. Ни кто он сам, ни что с ним произошло.

Картон. А его дочери об этом известно?

Лорри (*отрицательно покачав головой*). Ей ничего толком не известно. Она думает, что речь идет о наследовании какого-то имущества. О таких тяжелых вещах лучше говорить с глазу на глаз, а не в письме. Завтра мы встречаемся с нею в Дувре. Я уже заказал билеты на корабль, который отплывает завтра ночью.

Картон. А сколько ей лет?

Лорри. Девятнадцать. Она живет в Рединге. Формально ее опекуном являюсь я, но воспитывала ее подруга ее

покойной матери, некая мисс Энн Адамс, очень достойная женщина.

Картон. Мистер Лорри, но вы ей даже опомниться не даете!

Страйвер. Сидней! Что ты такое говоришь?!

Картон (*не обращая на него внимания*). Вы представьте: она, хоть и сирота, но живет беззаботно, о чем-то мечтает наверное, и тут на нее обрушивается такое наследство — призрак, выходец с того света.

Страйвер. Сидней! Мистер Лорри лучше тебя разбирается во вверенных ему делах.

Лорри (*невозмутимо*). Милый мой Картон! Я человек штатский (*он поднимает палец*), сугубо штатский. Но я знаю, что в житейских делах, как на войне, самые лучшие решения принимаются быстро, под напором неотвратимых обстоятельств. Я собираюсь отплыть во Францию завтра ночью. А мисс Манэ!.. Она может приехать туда и позже. Или совсем не приезжать, тогда я сам привезу сюда ее отца. Оставить его во Франции будет слишком сложно, потому что врачебной практикой он, как вы понимаете, заниматься не может, а вся небольшая собственность их семьи находится в Англии.

Страйвер. Мы не сомневаемся, сэр, что ваша поездка завершится самым успешным образом.

Лорри. Я тоже в этом не сомневаюсь. Но, на всякий случай, мое завещание у вас, и оно остается в силе.

Картон (*сухо, но с легкой иронией*). Счастливого пути, сэр! Надеюсь, погода будет вам благоприятствовать.

Лорри (*берет шляпу и трость*). Да-да, погода... Когда она тихая, на нее не обращают внимания, а когда начинается шторм!..

Я рассказал вам историю доктора Манэ, мои друзья, еще и потому, что мы, англичане, часто забываем, что живем под охраной лучших в мире законов. И вот

человек, такой же как мы, женатый на моей родственнице, жил, можно сказать, совсем рядом, через этот узкий пролив...

Картон и Страйвер вдвоем.

Страйвер. Ты что, спятил, мой милый компаньон? Что ты суешься не в свое дело? Ты теперь всем и каждому будешь высказывать свои личные соображения?

Картон (*с кислой миной*). Успокойся, *твоя фирма* от меня не пострадает. (*С вызовом*) А мистеру Лорри я говорил и буду говорить все, что я думаю, понятно?

Страйвер (*примирительно*). Ну ладно, я все забываю, что у тебя с мистером Лорри свои отношения. Для меня он — воплощение Теллсон-банка, все равно, что сам мистер Теллсон. А для тебя — это старый друг твоего отца. Ну что же, он немало способствовал блестящей репутации покойного мистера Картонна. А мне, как твоему компаньону, она тоже досталась в наследство.

Картон. Вот видишь, я с тобой поделился, но своей долей буду распоряжаться как хочу.

Страйвер. Но я заметил, что мистер Лорри готов ездить во Францию по любому поводу. Неважно, есть там дела у Теллсон-банка или нет.

Картон. А вот это уже совершенно никого не касается.

Картон подходит к зеркалу, надевает шляпу, поворачивается, пытаясь разглядеть себя в профиль, и выходит.

На улице. Картон проходит несколько шагов, снимает шляпу, встряхивает своими густыми длинными волосами. Картон продолжает свой путь, держа шляпу в руке и поигрывая этим бесполезным предметом.

Картон входит в ресторацию. Усаживается в отдельной комнатке. Входит хозяин.

Хозяин (с поклоном). Добрый вечер, мистер Картон! Все как обычно, сэр?

Картон (милостиво кивая). Благодарю вас, Пирсон.

Хозяин (слуге). Ужин мистера Картон!

Картон (сквозь зубы). Дьяволы, чтоб вам провалиться!

Хозяин (испуганно). Простите, сэр?

Картон. Это не к вам относится, Пирсон. Это я по поводу одного француза.

Хозяин. Терпеть не могу французов. Развратная нация. В дверях появляется проститутка.

Хозяин. Ну, не буду мешать. Желаю приятного ужина, сэр.

Проститутка (усаживаясь за стол). Привет, Сидней!

Картон. Привет, Мэг! Давно тебя не было видно. Входит слуга, накрывает на стол.

Мэг. Матушка моя долго болела.

Картон. Выздоровела?

Мэг. Ага. Вчера похоронили.

Картон (смущенно). У тебя, наверное, долги? Я дам тебе денег, иди домой.

Мэг. А что я там буду делать, дома? Не скажешь ли?

Картон (вздыхает). Тоже верно.

Она придвигается ближе и прижимается головой к его плечу.

Мэг. Вот так-то.

2. Пасмурный день на море.

Трехмачтовый парусный корабль входит в гавань. Редкие солнечные лучи, пробиваясь сквозь тучи, золотят паруса.

Гостиница в Дувре. Мистер Лорри, расположившись в кресле, читает небольшую книжку, время от времени поглядывая на окно.

Входит гостиничный слуга.

Слуга. «Святой Людовик» выйдет в море ровно в полночь, сэр.

Лорри. Комната для двух леди готова?

Слуга. Да, сэр. Леди останутся ночевать?

Лорри. Думаю, что нет. Но комната будет оплачена до утра.

По дороге несется почтовый дилижанс. В дилижансе только две пассажирки: строго одетая дама средних лет (мисс Адамс) и молоденькая нарядная девушка с золотистыми локонами (Люси). Они весело смеются.

Мисс Адамс наматывает на свой палец развившийся локон Люси и старается его закрепить.

Мисс Адамс. Я хочу, чтобы он увидел тебя во всей красе. Он просто ахнет, этот мистер Лорри. Ведь в последний раз он видел совсем маленькую девочку.

Люси (смеясь). Вот если бы девочка превратилась в мальчика, тогда бы он действительно ахнул.

Гостиница. Мистер Лорри подходит к окну. Он видит, как из прибывшего дилижанса выходят обе женщины.

Комната в гостинице. Женщины сидят на кушетке и рыдают в объятиях друг друга. Мистер Лорри, заложив руки за спину, прохаживается по комнате.

Лорри. Я должен просить у вас прощения, милая Люси. Я должен был предугадать, что это будет для вас очень тяжело. И вы, ради Бога, простите меня, мисс Адамс.

Люси *(вставая)*. Что вы, мистер Лорри! Это я должна просить у вас прощения. Я вам очень-очень благодарна. Мы расплакались из-за моей бедной матушки.

Она не может говорить и снова плачет.

Мисс Адамс *(сквозь слезы)*. Если бы она знала, что он жив! Если бы она знала! Она бы ни за что не умерла!

Люси *(вытирая слезы, решительно)*. Когда отходит корабль?

Лорри. Ровно в полночь.

Люси. А раньше никак нельзя?

Лорри. Не волнуйтесь, дитя мое, мы пересядем в почтовую карету прямо в порту. У меня все расписано по часам.

Люси. А кто эти люди, сэр, у которых сейчас находится мой отец?

Лорри. Его приютил бывший слуга, Эрнест Дефарж. Я его помню, он служил у вашей матушки до самого нашего с вами отъезда в Англию. Очень был смысленный паренек, ваша мать говорила про него, что это готовый аптекарь.

Мисс Адамс. Ну конечно, маленький Эрнест!

Лорри. Сейчас он уже взрослый, у него семья. Они держат винный погребок в Сент-Антуанском предместье.